

Лаура Росси
Миланский Университет

«Приглашение» М. Н. Муравьева или
«песня, которую он недавно перевел с аглинского»?

В ряде случаев предметом внимания Юрия Давидовича Левина стал и Михаил Муравьев, который писал с уважением об английских поэтах уже в 1770-е годы, а в начале 1780-х стал серьезно заниматься английским языком, и с тех пор не перестал читать английские книги и писать по-английски свои заметки.

Хотя я имела честь встречаться с Юрием Давидовичем несколько раз, я так и не догадалась спросить его мнение об одной маленькой загадке, связанной с стихотворением поэта, названным в заглавии. В отделе «Стихотворений неизвестных лет» издания Муравьева, опубликованного Любовью Ивановной Кулаковой, встречается короткий текст, озаглавленный «Приглашение».

[В спокойствии природы
Луны приятен свет,
Когда молчат погоды
И туч на небе нет.

Теперь утихли страсти,
Движение людей:
Душа одной лишь власти
Покорствуется своей!

Приди, в сии явленья
Со мной перенесись,
Эмилий! размышленья
Мгновеньем насладись]

Это три ямбических четверостишия с перекрестной рифмой аБаБ (а женская Б мужская). Описание подлунного пейзажа завершается призывом некоему «Эмилию» наслаждаться «мгновеньем размышления». В примечаниях Кулакова уточняла, что стихотворение увидело свет в так называемом «Полном собрании сочинений» Муравьева 1819-20 гг., а здесь печатается по так называемому

«списку ГИМ». Список был составлен самим Муравьевым в начале XIX века ввиду публикации, и использован Жуковским при редакции первого отдела трехтомника. Значит, стихотворение – одно из тех, которые считались достойными публикации самим автором, и которые стали известными в Пушкинскую эпоху.

Более 25-ти лет назад, во время моих разысканий о педагогической прозе Муравьева, в тетрадях, хранящихся в Российской Национальной библиотеке, мне удалось опознать черновой список и черновые рабочие записи данного стихотворения, безусловно восходящие к началу 1790-х (ОР РНБ, Ф. 499, ед. хр. 29, Л. 18 об.; ед. хр. 25, Л. 4). Итак, вопрос о датировке стихотворения был решен.

При этом, среди материалов, подготовленных Муравьевым для обучения русскому языку невесты великого князя Александра, Луизы Августы фон Баден, я обнаружила беловую рукопись рассказа, озаглавленного «Осень», который завершается нашим стихотворением. Здесь оно не носит заглавия, а является «песней, которую» один из героев, Алетов, «недавно перевел с аглинского», а теперь исполняет «препровождая голос свой на клавесинах» перед гостями госпожи Феоны. Рассказ – часть цикла, действие которого происходит в сельском доме на берегу Волги этой добродетельной помещицы, идеализированного портрета сестры Муравьева Федосьи Никитичны. [Росси Л. Сентиментальная проза М. Н. Муравьева (Новые материалы) // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С.114-146].

Публикуя эти короткие рассказы, где встречаются некоторые герои тех других педагогических циклов автора, которые за несколько лет до этого были написаны для обучения великих князей Александра и Константина, я подчеркнула сквозную связь между ними, а также их личную, автобиографическую окраску. В этом контексте, значение приобретало включение Муравьевым в педагогический рассказ собственного лирического стихотворения.

Вместе с тем, в начале нашего столетия, в первой книге трехтомника, посвященного Муравьеву, Владимир Топоров, детально комментируя и «Феонин» цикл, писал, что «нельзя исключать», что песня, завершающая «Осень» является «действительно переводом или подражанием». И исследователь выделял «сентиментально-меланхолический» тон как отличительную черту неизвестного западного оригинала [Топоров В. Н. Из истории русской литературы Том II. Русская литература второй половины XVIII века. М. Н. Муравьев : Введение в творческое наследие. Книга I. М., 2001, С. 589].

Итак, следует отыскать элементы, свидетельствующие в пользу переводного характера стихотворения. Но задание усложняет упоминание «Эмилия» как адресата его. Парадоксально, оно связывает текст с одноименным педагогическим циклом писем, но тем самым противоречит утверждению рассказчика, что это – перевод «с аглинского», написанный господином Алетовым. Дело в том, что в эпистолярной повести Алетов является **приятелем** Эмилия.

Короткое отступление. Фамилия «Алетов» встречается довольно часто в педагогической прозе Муравьева и персонаж, носящий его, обладает достаточно постоянными чертами, такими, как светскость, талант, остроумие. При этом он выступает то как военный, то как свободный господин, то как любитель искусств, то как человек, пекущийся об общей пользе государства. В «Эмилиевых письмах», в «Обитателе предместья» и в «Утренней прогулке» – он знакомый рассказчика. В женском «Феонином цикле» господин Алетов – племянник хозяйки, только что возвратившийся из Англии, что и мотивирует его желание перевести услышанную там песню.

Эти последние детали некоторым образом соответствуют и происхождению фамилии героя. Владимир Топоров связывал ее с «правдолюбивым» героем Карамзина [Фил]алет (от ἀλήθεια, правда, которая безусловно объясняет этимологию фамилии), или с героем Вергилиевой

«Энейды» Алетес (Алет в переводе Петрова). На самом деле, не только подобные имена, а именно русская фамилия Алетов (Aléthof) уже существовала в литературе. Как известно, ее носил секретарь русского посольства в Париже Иван Алетов (Ivan Aléthof), созданный Вольтером в мае 1760 года, как автор и герой сатирической поэмы «Русский в Париже»: *Le russe à Paris. Dialogue d'un Parisien et d'un Russe. Petit poème en vers [alexandrins], composé à Paris, au mois de juillet [/ mai]. Par M. Ivan Aléthof, secrétaire de l'ambassade russe.*

В самом деле образ русского в Париже раздваивается. С одной стороны, персонаж, «грубый скиф», приехавший в современные Афины, чтобы просветиться, с другой – автор, «Русский, знающий Францию очень хорошо», о котором Вольтер пишет в своих письмах. Он заставляет Парижанина раскрыть русскому энтузиасту низменный уровень современных французских литераторов, естественно – врагов Вольтера, как Фрерон и Руссо. Недавно современный русский в Париже Александр Строев писал, что именно его фигура стоит в основе «мифа о франкоязычном поэте» эпохи Просвещения, и привел свидетельства популярности имени Алетова в конце 1790-х гг.

Алетов – не единственный муравьевский герой, чья фамилия скрывает литературный источник, как комедию Екатерины II «Именины госпожи Ворчалкиной» в случае Дрёмова из «Обитателя предместья», или журналы Аддисона и Стиля «Зритель» («The Spectator») и «Опекун» («The Guardian») в случае Виля Гоникомба (то есть Will Honeycomb, the man of fashion) и Дика Эйронсейда (вернее Nestor Ironside, издатель), оба граждане софийские в «Предупреждении» «Эмилиевых писем». Этот дух безобидной литературной мистификации безусловно не противоречит гипотезе переводного характера «Приглашения», хотя и не подтверждает ее.

Итак, на протяжении всех этих лет, на досуге я занималась разысканием «источника» «Приглашения». Библиотека автора сохранилась не полностью, а каталоги муравьевских книг не отражают ни его владений, ни его чтений. За это

время оцифровка текстов и интернет принесли нам огромную, прежде немыслимую помощь. И для английской литературы XVIII века существуют очень хорошие репертуары и базы данных, облегчающие поиск. Но с чего начать, и что искать? Например, следует ли учитывать заглавие, которого в рассказе нет? Или лучше начать с жанра и просмотреть всевозможные «Песни» («Songs»?).

Редкий случай у Муравьева, сохранились не только черновая и беловая редакция произведения, но и черновые рабочие записи. Таким образом легче проследить ход мысли автора и постараться понять, какие элементы являются исконными, а какие вторичными. В окончательной редакции бросается в глаза призрачный, воображаемый характер места, куда приглашается друг. Публикуя неизданное Муравьевское стихотворение начала 1790-х гг. «Убежище стихотворца», заглавие которого можно читать и как «Убежище стихов», я сопоставила его с «Приглашением» именно по причине общей «призрачности».

Убежище стихотворца

Священной ночи свежи тени
Спустились с мечтами снов
И ходят бодрые елени
В безмолвной глубине лесов.
Пииту здесь удел хранится
Природа вокруг его теснится
Полна Зефиров спящих сень.
Над нею Филомела стонет
Доколе мраков не догонит
Спешащий на востоке день.

Вместе с тем, в первоначальных набросках повторяется мотив ухода из города в деревню, от которого в конце автор отказался.

1) Остав забавы града
Приди мой друг сюда.

2) Из граду удались
И щастьем размыления
Со мною наслаждайся

2.2) Мой друг в сии **селенья**
Из граду удались

И щастьем р[азмышленья]
Со мною насладись.

Следует учесть, что в некоторых зрелых переложениях Горация, Муравьев сознательно пропускал фразы и образы, ставшие крылатыми выражениями: переводя знаменитое «*Nos erat in votis: modus agri non ita magnus*» шестой сатиры второй книги, автор снял цезуру и перенес акцент на вторую часть стиха: «Хотелось мне иметь землицы уголок». В переводе одиннадцатой оды первой книги «К Левконое» пресловутое «*carpe diem, лови момент*» стало: «Что было – то не прилучится / Что есть – того не упускай».

Все это объясняет, почему я **не** нашла стихотворения, которое можно назвать источником «Приглашения». И почему, я представлю вам английский текст, который, вероятно, был в поле зрения Муравьева, и, возможно, подсказал ему замысел стихотворения, а меня не смущает то, что в нем нет ни луны, ни ночи. О муравьевском «тексте ночи» пронизательно писали в свое время Гр. Гуковский и Вл. Топоров, и о его упоминании «Ночей» Юнга писал и Ю. Д. Левин. Вместе с тем, после доклада в Страсбурге, я еще собираюсь возвращаться к теме параллелизма между этими стихотворениями и рождавшимся несколько позже жанром музыкального романтического ноктюрна (см. ноктюрны Джона Филда, 1810-е гг., уже «Лунную сонату» Бетховена, 1801 г.).

Еще в до интернетовской эпохе, в 66-томной антологии английской поэзии под редакцией Сэмюэла Джонсона, завершённой в 1781 г., я просмотрела преимущественно труды авторов, упомянутых Муравьевым в его изданных произведениях и в его рабочих рукописных тетрадях. В опубликованном Кулаковой стихотворении «Черта, как молния, незапна и сильна» 1786 г., образцовым поэтом, достойным отчаянных усилий подражания назван «Шенстòн», т. е. Уильям Шёнстон (1714-1763), теперь наверно более известный в России из-за мистификации Пушкина в «Скупом рыцаре», чем в Англии благодаря его элегиям, пасторальным балладам, поэме «Учительница» и стихам

о природе. Впрочем, мое внимание привлекли не они, а четверостишие, обращенное приятелю литератору Роберту Додсли (1703-1764).

To Mr. Dodsley
Come then my friend, thy sylvan taste display,
Come hear thy Faunus tune his rustic lay;
Ah, rather come, and in these dells disown
The care of other strains, and tune thine own.

Приезжай мой друг, покажи твой лесной вкус,
Приезжай послушать, как твой Фавн настраивает свою деревенскую песню.
Приезжай с охотой и в этих ущельях откажись
От печали других струн и настраивай свою песню.

Если сходство вас не убедило, учтите, что в основном я думаю, что автор «Приглашения» – Муравьев.